



«Книга ... освещает наше
личное движение к истине».

М. Пришвин

СВЕТЛЯЧОК

15.09.2014

№9 (42) Сентябрь 2014 года

• С музейных полок

В Андреапольском музее хранится небольшая папка с надписью «Б. Воробьёв». В ней письмо на листке с символикой известного журнала «Вокруг света» от писателя Бориса Воробьёва и несколько страничек с текстом его рассказа из этого журнала за 1972 год.

Вот текст этого письма: *«Уважаемые товарищи!*

В редакции «Вокруг света» мне передали ваше письмо. Вынужден вас разочаровать: название танкера не имеет прямого отношения к названию вашего города. Однако косвенную связь здесь установить можно. Дело в том, что я уроженец Калининской области (ст. Редкино Конаковского р-на, бывший Завидовский).

Случай, описанный в напечатанных главах, произошёл с одним из наших танкеров серии «Ставрополь», «Мариуполь» и т. д. Но поскольку повесть не документальна, и я имел право на художественный вымысел, то и название взял, как говорится, своё.

С дружеским приветом Б. Воробьёв».

Нам, андреапольцам, остаётся только поблагодарить писателя за то, что имя родного города благодаря ему прозвучало в литературе и вспомнить интересную публикацию, побудившую любознательных земляков в 1972 году написать в журнал.



ПУШКИ ТАНКЕРА «АНДРЕАПОЛЬ»

Главы из повести

В бинокль танкер был виден как на ладони. Зажатый рифами, он лежал с небольшим дифферентом на корму, отчего казалось, что судно пытается и не может вытащить из воды свое громоздкое железное тело.

Над танкером кружились чайки. Время от времени они устраивали на воде баталии из-за какого-нибудь огрызка, брошенного с борта, и поднимали такой крик, будто их уже настиг день страшного суда. Потом птицы успокаивались, вновь взмывали в воздух, усаживались плотными рядами вдоль бортов, не обращая внимания на спящих по палубе людей. Война сюда ещё не дошла, и птицы были непуганы.

Баландин подрегулировал резкость. Итак, четыре пушки – две на носу, две ближе к корме. Пулеметы на мостике не в счёт, с ними можно разделаться походя. Главное – пушки. Интересно, какой калибр они поставили? Кажется, неплохо видно, но точно не определишь. Здешний воздух так пропитан водой, что даже цейсовские линзы отпотевают, как обыкновенные стекла. Сотки? Вряд ли. Сотка – это уже внушительное орудие, и её надо ставить основательно. Скорее всего – семидесятипятимиллиметровки. Что ж, батарея таких пушек, вынесенная на три мили в море, – совсем неплохо. Не дурак придумал. Начальник разведки прав: авиации здесь делать нечего. При такой погоде и плотности зенитного огня с берега шансы на прицельное бомбометание практически равны нулю. Только угробят самолёты... И ведь как стоит, проклятый, – точно на пути десанта! Ни с какой стороны не обойти, расколошматит из пушек за милую душу...

Баландин опустил бинокль и обвёл взглядом лежавших рядом разведчиков. Они тоже разглядывали танкер – Шергин упорно, не отрывая бинокля от глаз; Калинушкин, наоборот, то и дело протирал линзы; лицо Ивана Рынды выражало почти детскую заинтересованность; Ольга смотрела в окуляры, не прислоняя бинокль к лицу, как женщины смотрят в театре представление; один Лапцуй, как видно, не доверял технике, полагаясь на дальнзоркие рысьи глаза, – бинокль болтался у него на груди.

Кого послать? Впрочем, едва оформившись, вопрос уже звучал риторически. Роли были распределены давно, но Баландину нужна была пауза, чтобы ещё раз и окончательно утвердиться в правильности выбора и сказать об этом вслух.

Пойдут, конечно, Влас и Калинушкин. Лучше их никто не сделает того, что предстоит сделать. Шергин с его силой при необходимости голыми руками согнет орудийное дуло, а сверхреакции Фёдора завидовали в своё время все флотские боксеры. Подрывное дело оба знают, как таблицу умножения, и ко всему прочему – закадычные друзья. Все правильно, Влас и Калинушкин.

(продолжение на стр.2).

(начало на стр.1).

Баландин положил бинокль на камень перед собой и знаками подозвал обоих разведчиков. Когда те подползли, спросил, кивая на танкер:

– Как думаете, какие там пушки?

– Трёхдюймовки, – тотчас отозвался Калинушкин. Это было в его манере – говорить и действовать так, словно он находился на ринге, где на размышление даются доли секунды.

– Точно, – подтвердил Шергин. – Большие без хорошего фундамента не поставишь.

– Вашими бы устами да пиво пить, – усмехнулся Баландин, довольный, однако, тем, что мнение разведчиков совпадает с его собственным.

– С раками! – подхватил Калинушкин. – С раками, командир! Эх, бывало, в Петергофе придёшь в парк, а там – мама миа! – Калинушкин закатил глаза, ну и все, тебе: и раки, и воблушка, и лучшее в мире пиво под названием «бочковое». Сядешь за столик, а кругом фонтаны и девушки в белых платьях. Жисть, помнишь Влас?

– Ладно, – прервал Баландин излишества бывшего чемпиона, – пиво будем пить после войны. Значит, говорите трёхдюймовки? Я тоже так думаю. А теперь слушайте. Эти карронады нужно взорвать. Ко всем чертям и со всеми потрохами. Пойдете вы. – Баландин помолчал. – План уточним позднее, а сейчас готовьте заряды на лодку. К темноте чтоб все было в ажуре. Ясно? С отливом двинетесь.

– Вопросов нет, командир. – Калинушкин поправил за спиной автомат и первым скрылся в густой траве, где были спрятаны резиновая надувная лодка и тол.

«Ну вот, – подумал Баландин, – вот и начинается. Сколько раз уже это было? Не вспомнить. И все равно чувствуешь себя как на вышке, с которой нужно прыгнуть».

Он отчётливо представлял себе все трудности предстоящей операции. Нелегко будет добраться до танкера. Волна порядочная, а ночью темно, как в тюрьме. Немного просчитаешься – унесет в море. Потом ещё в рифы перевалить надо. А там – танкер, железный скользкий борт. Не по трапу подняться. И за спиной автоматы и взрывчатка. Правда, в Норвегии было потруднее. Когда доты с моря брали. Из воды – и прямо на скалы. Как альпинисты. Егеря генерала Дитля остались тогда с носом... Когда они выставляют часовых? По логике – с темнотой. Значит, часов с девятнадцати. А сменяют? Через два часа? Три? Гадай не гадай – не узнаешь. Надо прикинуть оба варианта. И сколько их, этих часовых? По идее – двое, на носу и на корме. А если больше? В общем, как всегда, уравнение со многими неизвестными...

Солдат Доихара Сэйдзи считал себя настоящим японцем. Он обожал несравненного микадо, почитал законы и священную гору Фудзи, не прелюбодействовал и свято верил в великое будущее горячо любимой О-я-симы (древнее название Японии). Правда, он не был самураем, и ему не разрешалось носить мечи, но в этом были виноваты неудачливые предки, оставившие в наследство Доихара мотыгу вместо самурайских мечей. Впрочем, Доихара не был в особой обиде на предков: по крайней мере, ему не придётся делать хакари, ведь он всего-навсего простой иттохэй – солдат первого разряда. И он всегда довольствовался тем, что имел.

Когда началась война на Тихом океане и Доихара призвали в армию, он воспринял оба события с невозмутимостью человека, давно ожидавшего их. Он не сомневался в победе. Ведь храбрые моряки и летчики в первый же день войны утопили в Пирл-Харборе чуть ли не весь американский флот, а через несколько месяцев отняли у англичан Гонконг и Сингапур. Нет, такая война не могла надолго затянуться, и Доихара искренне жалел, когда стало известно, что полк переводят на север. Триумф и лавры оставались другим.

Однако вскоре выяснилось, что славу делить не пришлось. Союзники перешли в наступление, войска императора несли тяжелые потери, и Доихара возблагодарил всемилостивую и всеблагую Аматерасу за чудесное спасение.

Конечно, жизнь на Курилах была не из легких, но она вполне устраивала Доихара. Русские воевали далеко на западе, и единственное, отчего страдал Доихара, так это от скверного курильского климата. Особенно зимой, когда неделями дула пурга – то ледяная, то с мокрым снегом. В таких условиях не мудрено было заработать ревматизм, а Доихара находился уже в том возрасте, когда люди начинают заботиться о собственном здоровье.

Но худшее поджидало Доихара впереди. В восемнадцатый год эры Сёва (соответствует 1943 году) возле острова потерпел крушение русский танкер. В казармах поговаривали, что дело обошлось не без вмешательства соотечественников Доихара, будто бы переставивших навигационные знаки, но сам Доихара не верил разговорам. Русские всегда были плохими моряками. Иначе они не отдали бы в своё время острова Японии. И уж конечно, они сами вылезли на рифы.

Как бы там ни было, а целехонький танкер плотно сидел на камнях, и это обстоятельство сыграло роковую роль в жизни солдата Доихара Сэйдзи.

Неизвестно, кому пришла в голову мысль поставить на танкере пушки, но скоро они стояли там. Танкер превратился в форт, четыре орудия которого обслуживали пятьдесят артиллеристов, в том числе и заряжающий Доихара.

Настали трудные времена. Море редко бывало спокойным, и пятьдесят человек жили среди постоянного грохота обрушивавшихся на танкер волн. В сильные штормы корпус судна гудел, словно барабан, по

(продолжение на стр.3).

(начало на стр. 1-2).

которому били громовики (по японскому народному поверью, черти устрашающего вида, которые бьют в огромные барабаны), скрежетал и раскачивался. Особенно страшно было по ночам, когда волны, казалось, вот-вот сорвут танкер с каменного основания и повергнут в холодную бездну, разверзшуюся прямо за тонким железом бортов.

А недавно началась война с русскими. Они, оказывается, победители, хотя поручик Хата неоднократно говорил, что немцы разобьют Россию, и теперь перебросили войска сюда, чтобы помочь американцам и англичанам. Но даже им не удастся взять острова, потому что таких укреплений не взять никому. Русские напрасно потеряют время, а из-за их упрямства Доихара придется неизвестно сколько торчать на этом железном гробу...

Такие не очень веселые мысли владели солдатом Доихара Сэйдзи, час назад заступившим часовым. Расхаживая взад-вперед по мокрой и скользкой палубе, он то и дело вытирал лицо и с нетерпением ожидал смены. Где-то в темноте, на другом конце танкера, находился второй часовой, и Доихара с удовольствием составил бы ему компанию, но он трепетал при мысли, что поручик Хата выйдет проверять посты и не застанет Доихара на месте. Тогда ему несдобровать, потому что рука у поручика тяжелая. И вообще он черствый и бездушный человек. Замучил солдат никому не нужными учениями и тревогами, придирается по каждому пустяку. Даже сейчас, на посту, нельзя чувствовать себя спокойно, потому что не знаешь, когда поручику взбредёт в голову проверить караулы. Смешно подумать, что на танкер могут напасть! Однако поручик прожужжал этим все уши. Говорят, он страдает бессонницей, вот и выдумывает всякое, чтобы не скучать по ночам. Разве возможно пробраться на танкер?! Даже ниндзя (члены религиозно-террористической организации в средневековой Японии. Молва приписывала им сверхъестественные способности), эти ужасные демоны в человеческом облике, которые могут летать по воздуху и ходить по воде, не отваживались бы на такой безрассудный поступок. Но что поделаешь, поручик Хата не верит в тишину, и Доихара приходится мокнуть и мерзнуть, выстаивая положенные два часа.

Вздохнув, Доихара подошёл к одной из пушек и сел у щита, поставив «арисаку» (японская винтовка) между колен. Сталь щита холодила спину, но всё же у пушки было немного теплее, чем на открытом месте.

Доихара стал думать о доме. Только в армии он по-настоящему оценил, что значит своя семья и своё жилище, куда можно возвратиться после трудов, подсесть к хибати (медная или бронзовая жаровня) и наслаждаться покоем и теплом. И даже выпить чуточку сакэ, а потом лечь спать с собственной женой и сколько хочется ласкать ее горячее и покорное тело.

Доихара опять вздохнул. Что ни говори, а мужчине трудно без женщины. А здесь нет даже публичных девок, и солдаты буквально озверели. Пока их не засунули на эту коробку, было легче. Девки привозили часто, но он, Доихара, ни разу не ходил в эти дома, где холостые и женатые с одинаковым бесстыдством предавались блуду...

Постепенно мысли Доихара приняли иное направление, потом смешались, и он задремал. Внезапно сон отлетел от него: он увидел ниндзя. Чернее мрака, окружающего танкер, тот возник над бортом, на мгновение замер и вслед за тем бесшумно спрыгнул на палубу.

Доихара затрясло. Он знал, почему появился ниндзя: демоны являются всегда, стоит только подумать о них. А это к несчастью. Забыв о винтовке и о своих обязанностях, Доихара как замороженный следил за призрачной, едва шевелящейся тенью. Его напряжение было столь велико, что он не заметил, как появился второй ниндзя. Доихара догадался об этом минуту спустя, когда тень у борта вдруг увеличилась, странно задрожала и неожиданно распалась на две, одна из которых тотчас пропала в темноте, а вторая направилась прямо к Доихара. И хотя его скрывала пушка, он знал, что это плохая защита – ведь ниндзя видят в темноте, – и, оцепенев, безвольно ждал своей участи.

Ниндзя приближался. Он двигался медленно, но плавно и легко, будто не шёл по мокрому железу, а скользил над ним. Иногда он останавливался, как останавливается змея, подкрадывающаяся к лягушке, затем опять начинал медленно и плавно скользить. Наконец он приблизился настолько, что Доихара расслышал его дыхание. Нужно было только протянуть руку, чтобы коснуться ниндзя.

И тут произошло такое, от чего у Доихара захватило дух: ниндзя вдруг споткнулся! Он даже взмахнул руками, стараясь не упасть, и сдавленно зарычал – то ли от боли, то ли от неожиданности. Доихара не видел предмета, вставшего на пути ниндзя, но знал, что на том месте над палубой торчит железный вентиляционный грибок. Это о него споткнулся ниндзя. Выходит, он не заметил препятствия? Настоящие ниндзя видят в темноте, как днём, а этот споткнулся да ещё зарычал, словно его прижгли раскалённым железом!

(продолжение на стр. 4).

(начало на стр. 1-3).

Кровь отхлынула от щёк Доихара. Только теперь он начал понимать происходящее. Перед его мысленным взором встало грозное лицо неумолимого поручика Хата, и это видение пересилило все страхи. Доихара вновь осознал себя настоящим японцем и верным солдатом императора. Сжав «арисаку», он стремительно поднялся и, как на плацу, сделал выпад. Он почувствовал, как штык вошёл во что-то мягкое. В плоть. И это было последним земным ощущением солдата Доихара. Он не успел принять исходного положения: вырванная какой-то страшной силой, «арисака» отлетела в сторону, и Доихара услышал хруст собственных костей. Та же сила, которая перед этим вырвала у него винтовку, сдавила его горло, и он умер прежде, чем обмякшее тело свалилось на палубу.

... Опустив японца, Шергин разогнулся и прислушался. На танкере все было по-прежнему спокойно. Бились волны, порывами налетал ветер, и в один из промежутков Шергину показалось, что он услышал короткий не то всхлип, не то стон, донесшийся с кормы танкера, куда минуту назад ушёл Фёдор Калинушкин.

Звук был неясен и мимолетен, но Шергин несколько не сомневался в его происхождении: там, в темноте, только, что умер или умирал человек. Кто – этого Шергин не знал. Он был уверен в друге, но собственная оплошность поколебала его уверенность и заставила разведчика замереть в ожидании. С секунды на секунду тишина могла взорваться, и это означало бы, что Калинушкину не удалось снять часового: в одинаковой мере события могли сохранить свой первоначальный ход, и это значило бы, что Фёдор жив и сейчас пробирается назад.

Прошла минута и другая. Недра корабля безмолвствовали. Шергин перевёл дух, и тотчас острая боль пронзила бок и отдалась во всё теле. Оно налилось слабостью, на лице разведчика выступил холодный пот. Чтобы не упасть, он ухватился за щит пушки и сполз по нему на палубу. Перед глазами поплыли радужные круги. Стиснув зубы, Шергин громадным усилием воли удерживал уходящее сознание. Постепенно слабость стала проходить, оставалась только боль. Шергин расстегнул ватник, задрал гимнастёрку, сунул под тельняшку руку. Нашупал рану. Она была мягка и нежна, как тело устрицы. Кровь вытекала из неё тонким горячим ручейком.

Зажав рану ладонью, Шергин другой рукой вытащил из кармана индивидуальный пакет. Зубами разорвал его, приложил к ране тампон, стал туго наматывать бинт. Ему казалось, что под марлей тлеет кучка горячих угольев. Шорох за спиной заставил Шергина позабыть о боли. Конечно, это мог быть только Калинушкин, однако на всякий случай разведчик вытащил нож. Но тут же спрятал его, услышав негромкий условный свист. Шергин ответил.

Тёмный силуэт выскользнул из-за пушки и приблизился к нему.

– Ну? – спросил Шергин.

– Капут махен, – коротко ответил Фёдор. Его, видимо, удивила странная поза Шергина. Он опустился рядом с ним на корточки и, разглядев повязку, встревоженно спросил:

– Ты что?

– Пропорол, сволочь, – Шергин кивнул на труп Доихара.

– Сильно?

– Сильно не сильно, Федя, а дырка – вот она. Помоги замотать и тащи заряды. Придёт смена, нам с тобой крышка.

Перевязав друга, Калинушкин помог ему подняться.

– Водка у тебя? – хрипло спросил Шергин.

– В мешке.

– Неси.

Калинушкин мгновенно растворился в темноте. Шергин посмотрел на часы. Было половина третьего. Смена могла появиться или через полчаса, или в четыре.

«Вилка, – подумал Шергин, – и, поди догадайся, когда будет накрытие». Придется рассчитывать на худшее, стало быть, у них есть только полчаса. Даже меньше, потому что нужно еще успеть спуститься в лодку. Значит, минут двадцать. Хватит. Заряды готовы, а вставить трубки и поджечь шнуры – минутное дело. Фёдор ещё раз прогуляется на корму, а он управится здесь. Заряды четырёхкилограммовые, от пушек останутся головешки... Вот только бок. Надо же так нарваться! Как последний салага! Но кто думал, что этот косоглазый станет прятаться, вместо того чтобы караулить! Выскочил, как черт из коробки. Хорошо хоть не в точку попал. С перепугу, видно...

Появился Калинушкин, волоча мешок с зарядами.

– На, он протянул Шергину флягу.

Шергин отвинтил крышку и сделал несколько больших глотков. Водка была холодная и оттого почти безвкусная, и Шергин пожалел, что во фляге не спирт. Спирт лучше всего заглушает боль и действует быстрее, а для него сейчас главное – продержаться эти двадцать минут. А там можно будет просто бултыхнуться за борт. Федор выловит. Они быстро приготовили заряды.

(продолжение на стр. 5).

(начало на стр. 1-4).

– Давай на корму, Федя, – сказал Шергин. – Поджигай и вали назад. Времени у нас, сам знаешь, кот наплакал.

– Знаю, – отозвался Калинушкин.

Взяв заряды, он уже собрался юркнуть в темноту, но не успел: ослепительно белый, почти космический свет вспыхнул у них над головами, опережая вой сирены и грохот сапог вскакивающих по тревоге солдат.

Молва не ошибалась, утверждая, что поручик Хата не спит по ночам. Единственного отпрыска древней самурайской фамилии действительно мучила бессонница.

Пять лет, проведенных без отпуска в казармах и казематах среди серого солдатского быдла, основательно расшатала нервную систему поручика. Редкие и по большей части случайные развлечения не компенсировали хронической усталости. Мало чем помогали и офицерские клубы. Любой вечер там, как правило, кончался попойкой, а среди офицеров почти невозможно было найти по-настоящему культурного человека. Войне не предвиделось конца, и кадры все чаще пополнялись наспех обученными унтер-офицерами, большинство из которых были абсолютными невеждами и солдафонами. Поручик Хата сторонился их.

Свое одиночество он восполнял поэзией. У него была чувствительная, экзальтированная натура, а божественная гармония старинных танка как нельзя лучше способствовала душевному настроению. Поэтому поручик повсюду возил с собой изящные пергаментные томики, украшавшие некогда семейную библиотеку.

Надо ли говорить, что на танкере чтение стало единственной отрадой и страстью поручика Хата? Конечно, днем у него не было для этого времени. Все отнимали дела. Солдаты, лишённые последних удовольствий, все больше и больше распускались, появились случаи вольнодумства и невыполнения приказаний, и поручику приходилось железной рукой приводить непокорных к повиновению. Он до предела насытил программу занятий, справедливо полагая, что загруженному человеку не придет в голову раздумывать о сложностях и противоречиях бытия, и целыми днями гонял солдат, назубок отработывая учебные задачи.

Зато ночью, когда измученные солдаты укладывались спать, поручик запирался в своей каюте и, отрешившись от всего земного, погружался в чарующий мир поэтических образов. Засыпал он обычно перед рассветом, а нередко и вовсе не смыкал глаз; однако, появляясь утром на палубе, бывал неизменно свеж и непроницаем.

Побеждают лишь сильные. Кто слаб – пусть уйдет в вечность. Так считал поручик Хата, так повелел Бусидо, закон самураев...

Этой темной и ненавистной ночью поручик по обыкновению не спал. Снаружи завывал ветер, и шумело на рифах море, но поручик не замечал неистовства стихий, Удобно расположившись в глубоком кресле, оставшемся в каюте от старых хозяев, он наслаждался безукоризненным строем и напевностью стихов. Ноги поручика, укутанные толстым футоном, согревала анка (небольшая переносная жаровня), тепло от нее приятно растекалось по всему телу. Время от времени поручик откладывал книгу в сторону и, прикрыв глаза, осмысливал прочитанное.

Как песок сквозь пальцы, текли минуты, часы. Угасала и вновь возрождалась жизнь, гибла осмеянная и поруганная любовь, рушились святые узы товарищества, предавалась анафеме добродетель. Миром правило зло. Люди безбоязненно творили грехи, а искупления не было. Поэт, живший тысячу лет назад, хорошо понимал это. Но поэт призывал убить зло в человеческой душе, и это было ошибкой. Ибо, убывая в человеке зло, лишаешь его силы. А что может бессильный?..

Поручик захлопнул книгу. Надо было идти проверять посты. Не хотелось вылезать из футона и выходить на дождь и ветер, но поручик решительно подавил всякие колебания. Долг превыше всего. С этих скотов солдат нельзя спускать глаз, так и норовят сделать какую-нибудь гадость. Плохо ухаживают за оружием, отлынивают от всякой работы, а в последнее время дело дошло до того, что стали спать на посту. Стоя, как лошади! Правда, пойманные на всю жизнь запомнят полученный урок – каждому из них дали по сто палок, – однако это вряд ли научит остальных. Нужны более действенные меры, и он, поручик Хата, прибегнет к ним. В следующий раз виновных просто-напросто обезглавят.

Поручик жестко усмехнулся, словно уже видел лежащие в корзине отрубленные головы, затем стал одеваться. Проверив напоследок, исправно ли действует фонарик, он вышел из каюты. Тяжелый шум накатывающихся на судно валов заложил уши. Было темно как в мешке, однако, присмотревшись, поручик различил в темном месиве волн более светлые участки – рифы, вокруг которых вздымались белые каскады брызг. Рифы сопротивлялись напору ветра и воды, но время от времени какая-нибудь крупная волна переваливала через барьер и ударяла в танкер. Судно вздрагивало. Дрожь доходила до палубы, и в разных местах на ней начинало что-то скрежетать, перекатываться, елозить. Постояв у двери и

(продолжение на стр. 6)

(начало на стр. 1-5)

освоившись с новой обстановкой, поручик осторожно спустился по скользкому трапу на палубу.

Дьявольская ночь... Видно, не в духе старик Сумиёси (повелитель морских волн) – в таких волнах могут развиться разве что водяные – каппа. Знакомый с детства по рассказам бабки образ пучеглазого, чешуйчатого и перепончатого водяного предстал в живом воображении поручика.

Впрочем, вряд ли и каппа сейчас удержится на плаву – такие волны вышвырнут хоть кого. И тогда крышка водяному: ведь вода, которую он, как величайшую драгоценность, хранит в ямке на голове, выльется, и каппа потеряет свою силу. Как этот русский танкер.

Поручик прищелкнул пальцами. Ему понравилось пришедшее в голову сравнение. Кстати, почему бы не закодировать танкер – «Мертвый каппа»? Оригинально и чисто в японском духе. Нужно будет подсказать это кретинам, сидящим в штабе, у которых при рождении кастрировали всякое чувство поэзии...

Здесь мысли поручика прервались, потому что он вдруг уяснил, что движется явно в северо-западном направлении. А только сумасшедший или невежда, незнакомый с магией чисел и звезд, рискует выбрать – да еще ночью! – северо-запад, направление, всегда считавшееся несчастливым, открытым для вторжения демонических сил.

Хата остановился. Еще не поздно было вернуться назад и проследовать привычным маршрутом, но поручик был настолько же упрям, насколько и суверен. Не в привычках самурая сворачивать с избранного пути. Дорога воина пряма, как полет стрелы. К тому же это довольно забавно – появиться с той стороны, откуда тебя не ждут. Часовые наверняка наложат в штаны. Но если они спят – горе им!..

Соблазн захватить часовых спящими заставил поручика позабыть о приметах и магии. Не раздумывая больше о последствиях, он двинулся дальше. Тьма как будто до предела сгустилась над танкером, но поручик свободно ориентировался среди встречающихся на его пути препятствий. Фонарик он не зажигал – свет понадобится ему в последний момент, чтобы осветить заспанные тупые физиономии и насладиться мгновенным страхом в вытарашенных, бессмысленных глазах часовых. О, это будет превосходный спектакль!

Из темноты, словно скала, надвинулся массивный силуэт ходовой рубки. Поручик уже не шел, а крался, и, едва в густой тени проступили очертания орудийных стволов, он замер, как легава, делающая стойку. Ноздри поручика трепетали, он с трудом сдерживал дыхание, стараясь расслышать шаги часового или увидеть его самого. Но возле пушек не угадывалась никакого движения.

«Спит, – со злобной радостью подумал поручик, – спит, ублюдок!»

Он был почти счастлив оттого, что его предположения сбывались и что на этот раз никакие силы не спасут преступника. Довольно слюняйства! Утром перед строем произведут экзекуцию. Пора напомнить не только солдатов, но и кое-кому наверху, что решительные поступки были всегда в традициях нации Ямато... Но где же все-таки часового?

Поручик обошел первое орудие. Никого. Зато у второго он тотчас наткнулся на того, кого искал. Привалившись плечом к станине орудия, часового спал как убитый. Он сидел на корточках, согнувшись в три погибели, но, по-видимому, не испытывал никого неудобства. Винтовка валялась рядом, и это вызвало особую ярость поручика.

Негодяй! И такой мрази доверяли защищать интересы империи! Бешенство душило поручика. Он шагнул к часовому и что было сил ударил его ногой в бок. Он ясно услышал, как екнула селезенка в утробе спящего, но часового не пошевелился. Он лишь бесчувственно мотнул головой.

Поручик не верил себе. От такого удара пробудился бы мертвый, а этот троглодит только рыгает, обожравшаяся свинья! Пьян?! Ну конечно, пьян! Фельдфебель Кавамото давно предупреждал, что солдаты неизвестно где достают сакэ и напиваются, но он пропустил тогда его слова мимо ушей. В таких условиях даже солдатам необходима разрядка! Но пить на посту!

Вконец разъяренный, поручик схватил часового за волосы и направил ему в лицо свет фонаря. То, что он увидел, было неправдоподобно, чудовищно, кошмарно: солдат был мертв. Об этом свидетельствовали страшная гримаса на лице и рана на шее, из которой еще была густая черная кровь...

Поручик Хата почувствовал себя на грани безумия. К горлу подступила дурнота. Он с ужасом и отвращением отдернул руку. Потеряв равновесие, труп запрокинулся навзничь, гулко стукнувшись головой о палубу. Поручик смотрел на него остановившимися расширенными глазами. Он был как в столбняке. Фонарик все еще горел в руке поручика, освещая большую темно-красную лужу, медленно растекавшуюся по палубе. Один из языков, извиваясь точно живой, пополз прямо к ногам поручика. Брезгливо передернувшись, Хата отступил назад. К нему возвращалась способность действовать и соображать. Он погасил фонарик и вытащил пистолет. Итак, на танкере враги – демоны не оставляют таких страшных ран.

(продолжение на стр. 7).

(начало на стр. 1-6).

Часовой убит недавно, кровь еще не запеклась. Идти на второй пост бессмысленно. С часовым там, безусловно, тоже покончено, и нет никакой гарантии, что в темноте сам не нарвешься на нож. Надо действовать быстро и решительно. Диверсантов наверняка немного, иначе они уже подняли бы шум. Это, конечно, русские, и, конечно, их интересуют пушки. Танкер для них как бельмо на глазу. Надо немедленно поднять тревогу. Стрелять? Глупо, только обнаружишь себя. А диверсанты, как известно, владеют оружием в совершенстве... Куда смотрит дежурный в рубке?! У него под носом убивают часовых, а эта скотина и ухом не ведет! Мерзавцы! Ни на кого нельзя положиться!.. Скорее в рубку! Включить прожекторы и объявить тревогу. Правда, освещать танкер ночью категорически запрещено, но он плевать хотел на эти запрещения. Как говорит фельдфебель Кавамото, козе не до любви, когда хозяин нож точит...

Перешагнув через труп часового, поручик кинулся к рубке, нащупал поручень. Он опасался, что опоздает, но заставил себя не спешить, боясь сорваться и загреметь. Благополучно миновав трап и крыло мостика, поручик рывком распахнул дверь рубки...

Знаете ли вы, что такое ночной бой на танкере? Когда против пятидесяти дерутся двое и один из них ранен и истекает кровью? Когда не остается никаких надежд, кроме одной – победить или умереть?

...Разбитые двумя автоматными очередями, погасли прожекторы. Тьма вновь сомкнулась над танкером. После света она стала еще непрогляднее и плотнее, но уже не безмолвствовала, а трещала и озарялась вспышками, точно небо в грозу.

Японцы стреляли наугад; пули с визгом рикошетили от железа палубы и надстроек, горохом били в щиты пушек. Перекрывая винтовочную пальбу, с мостика ударил пулемет. Сине-багровое клокочущее пламя на рыльце пулемета, похожее на пламя автогенной горелки, казалось привешенным в воздухе. Невидимый пулеметчик водил стволом, слово брандспойтом.

– Ну-ка шурани его, Федя, – сказал Шергин таким тоном, будто они находились на стрельбище.

– Сейчас, боцман. Сейчас мы его прямым в челюсть!

Встав на одно колено, Калинушкин высунулся из-за щита. ПППШ задрожал в его руках. Видимо, японец увидел вспышку, потому что он перестал беспорядочно поливать палубу, а перенёс огонь на разведчика. Смертоносные струи связали противников. Перевес в этой дуэли был явно на стороне японца: каждая очередь его крупнокалиберного пулемёта могла в любой момент, как топором, перерубить Калинушкина. Но смерть пока что щадила его, и внезапно всё кончилось. Блуждающий огонь в вышине погас. Смолк перекрывающий все звуки грохот, и в наступившем звенящем вакууме было странно слышать не похожие на выстрелы хлопки «арисак».

– Аут! – сказал Калинушкин, вставляя в автомат новый диск. – Слышь, боцман? Кранты самураю!

Шергин не ответил ему. Прислушиваясь к выстрелам и крикам в темноте, он с беспощадной ясностью представил себе неминуемую развязку. Японцев не меньше полусотни. Пока они ещё не знают, с кем имеют дело, но рано или поздно поймут, что против них только двое. И тогда полезут направо. Минут десять они с Фёдором продержатся, а там рукопашная и ...

Он не стал думать дальше. Мысль более сильная, чем мысль о смерти, владела его сознанием. Пушки! Если их не взорвать теперь, то через десять минут будет поздно. Всё пойдёт прахом. Они погибнут, а пушки останутся целыми. И разнесут баржи с десантниками, как гнилые арбузы...

Огонь японцев вновь усилился. Теперь он стал более организованным, и это было верным признаком того, что солдаты готовятся к решительным действиям. Разведчики отвечали короткими очередями, лишь иногда выпуская лишний десяток пуль в то место, где, как им казалось, назревали какие-то события. Опять заработал пулемёт, и под его прикрытием наступавшие стали сосредотачиваться для последнего броска.

Шергин стиснул локоть друга. Калинушкин обернул к нему лицо, на котором яростно сверкали белки цыганских глаз.

– Давай попращаемся, Федя.

– Ты что придумал, боцман?

– Попращаемся давай, говорю. Пора кончать эту богадельню. Помирать, так с музыкой. Эх, и устроим мы им весёлую жизнь, Федя! На всю катушку!

– Говори толком!

– А разве я без толка? Снаряды-то под нами! Жахнуть парочку гранат – и амба! Ни костей, ни пёрышек!

Калинушкин вплотную придвинулся к Шергину, вглядываясь в него так, словно видел впервые. За какие-нибудь полчаса Шергин сильно изменился: лицо его осунулось, глаза запали. Он часто и тяжело дышал, и Калинушкин понял, что боцман держится из последних сил.

(продолжение на стр. 8).

(начало на стр. 1-7).

«Эх, Влас, Влас... Фрицы нас не взяли, а тут ... Ну ничего, боковы дети! Думаете, всё?! Хрен вам! Не на тех напали! Вместе рыб пойдём кормить!...»

– Ты прикрой меня Федя... – проговорил Шергин.

– Давай, боцман! яростно зашептал Калинушкин. – Сыпь! У-у, сучьи души!..

Уползая в темноту, Шергин слышал, как бешено заработал автомат Калинушкина.

Выпустив добрую половину диска, Фёдор заставил японцев залечь. Хуже было с пулемётом: расчёт не жалел патронов, как метлой подметая палубу. Выбрав удобный момент, Калинушкин переполз ко второму оружию. Здесь он разложил перед собой запасные диски и гранаты и стал ждать.

Он знал, что это его последняя позиция, но не думал о смерти. Эта мысль была для него сейчас глубоко безразлична, как и мысли о самом себе. Он ощущал себя каким-то посторонним существом, о котором не надо заботиться и переживать, потому что и заботы и переживания предназначались другим: Шергину, который полз где-то в темноте, задыхаясь от напряжения и боли, товарищам на берегу, которые молча и скорбно прислушиваются к перестрелке, женщинам, которых, он любил и которые любили его, всей той жизни, которая была, есть и будет... Время медлительно текло сквозь него. Оно не замедлило свой бег, но его образы устойчиво удерживались в сознании, смешивались в общий мотив, в котором звучали радость, любовь и боль...

Пуля ударила его в плечо. Он содрогнулся, но не от удара, а от неожиданности и удивления перед материальностью факта. И впервые подумал, что может быть убит. Это ужаснуло его своими последствиями. Шергин еще не добрался до погреба. И не доберётся, если его, Фёдора Калинушкина, убьют раньше времени. Всё лопнет, как мыльный пузырь. И те гады опять зашевелились.

Калинушкин вырвал из дыры в ватнике клочок ваты и заткнул им рану. Затем вскинул автомат и со злостью ударил по ожившим японцам длинными очередями.

– Давай, давай! Подходи, гады! – сквозь зубы бормотал он и ругался страшными ругательствами, которые звучали сейчас как заклятья...

Добравшись до тамбура, Шергин отдраил дверь и ввалился в тесное помещене. Вниз вёл крутой трап, но прежде чем спуститься, боцман ударами приклада заклинил за собой дверь.

Бой на палубе разгорался. Выстрелы слились в сплошной гул и Шергин подумал, что на этот раз одному Фёдору долго не продержаться. Автомат Калинушкина бил не переставая, потом одна за другой гулко грохнули две гранаты.

«Окружили», – с болью и отчаянием подумал Шергин, спускаясь по трапу. Был миг затишья, когда боцману показалось, что там, наверху, всё кончено. Он остановился, но тут же автомат ударил вновь, и буйная пьянящая радость охватила Шергина.

«Держись, Федя, держись, браток, – шептал он, преисполненный необыкновенной любви и благодарности к другу. – Я сейчас...»

Он наконец спустился, чувствуя невероятную боль и тяжесть внизу живота. Казалось, к нему подвесили двухпудовую гирию. Освещенные лучом фонарика, из темноты трюма выступили штабеля ящиков. Тут же стояли уже готовые к применению снаряды.

– Годится! – вслух сказал Шергин.

Он положил фонарик на ящик и достал гранаты. Страх не было. Лишь неизбывная тоска по всему, что останется после, томила Шергина. Она была тяжела, как удушье.

Он поставил гранаты на боевой взвод. Матово поблескивающие головки снарядов притягивали к себе взгляд. Не отводя глаз от этого тусклого смертельного сверкания, Шергин поднял руки с гранатами. Он уже не слышал наступившей наверху тишины и не знал, что Фёдор Калинушкин умер, прошитый очередью из зенитного пулемёта «гочкис», и что сейчас японцы глумятся над его телом. И только когда в дверь посыпались удары, он, не оборачиваясь, торжествующе сказал:

– Стучите, сволочи, стучите!

И с размаху опустил руки....

• Осень и поэт

* * *

Их затяжной роман щемяще-светел,
печален и минорно протяжён.

Ему претит разгул звенящей меди,
ему созвучен хриплый саксофон.

Он избегает показных, экранных
весенне-легкомысленных утех,
он вечно балансирует на грани
прыжка из бытия в небытие.

Там от любви до ненависти – слякоть,
и бабье лето – до любви опять,
там – жарких листьев сброшенные платья
и холодов серебряная прядь.

Союз двоих, он неразрывно прочен
от детских грёз до старческой клюки.

Он – страсть – от поцелуев до пощёчин.

Он – грусть – от отречения до любви.

И на полях стремительного круга,
где томный вздох сменяет пистолет,
стоят они веками друг пред другом:
поэт и осень.

Осень и Поэт.

*Владимир Юринов,
Андреаполь*

* * *

Мне не гореть рябиновым костром
И не взмывать мне жаворонком ввысь.
Что было в прошлом, то осталось в нём,
Ему сказать ли мне: остановись!
Бежать ли прочь иль в омут с головой
Нырнуть, да так, чтоб ёкнуло в груди.
Печаль иль радость – только мне одной,
Неважно что, лишь вместе бы идти
К далёким звёздам, к тихим берегам –
Мне всё равно, где будет тот причал.
И если месяц упадёт к ногам,
Меня не зря ты в жизни повстречал.
Дурман-травой не стану ворожить,
Не лягу тенью у твоих ворот
И о любви не буду говорить,
Когда тебя другая позовёт.
Другая осень. И другой костёр
Горит в саду, скорее, не для нас,
Он в небо руки жаркие простёр
И, словно спичка, на ветру угас.

*Наталья Шабанова,
Чистая речка*



* * *

Печалью пахнут хризантемы,
Не потому ль вблизи от них
Тонки для разговоров темы
И в мыслях всякий чист и тих.

Ещё чуть-чуть – снега накроют
Цветок последнего тепла.
Пока ветра в тоске не воют,
Печаль твоя ещё светла.

*Маргарита Петрова,
Андреаполь*

* * *

Почему задумчив так рассвет?
От того ль, что тучи солнце скрыли?
Но надолго тени, или нет,
Это значит – меньше будет пыли.
Те, кто не краснеет за тебя,
Вольны поступать всегда красиво!
Косу в руки вновь беру, любя
Всё вокруг. И скошено у ивы,
Где ты обнял не меня тогда –
Птицу одинокую рассветом,
Дождь застал вас всё же. А вода
Всё журчит мне до сих пор об этом.
Почему задумчив так рассвет?
У тревоги будущего нет.

*Татьяна Лапко,
В. Луки – Андреаполь*

* * *

Полдня шёл дождь. И снова масляный
Пыхтит у стенки радиатор.
Клянясь, что люди будут счастливы,
С плаката смотрит губернатор.
В лицо менясь под порывами,
То распухает, то топорщится...
А я плевал на эти выборы,
Нужней не Дума, а уборщица.
Неконструктивная позиция,
Но осень тоже не искусница –
Едва лишь к дереву приблизится,
Как вся листвою покрыта улица.
Беру пример с неё, наверное,
Пью чай, не думаю о будущем.
Понятно даже небу серому,
Что нужно быть не голосующим,
А голосащим в этом городе,
Где и погода вдрызг испорчена,
И у пекарен мокнут голуби,
Молясь на доброго рабочего.
Я лучше осени ненастной
Доверю волеизъявление.
Пусть забросает весь участок
Берёзовыми бюллетенями...

*Федор Иванов,
Тверь*



• На конкурс: «Это было со мной в Андреаполе»

НА ЗИМНЮЮ...

- Ну, что, едем на рыбалку, – спросил меня один из любителей зимней ловли.
- Давай, если не против, – ответил я ему.
- А куда? – уточнил Виктор.
- Давай на Лобно, – ответил я ему.
- Но ведь это за Андреаполем, далеко-то будет.
- Ну и что, мы же, надеюсь, не пешком, на машине. Или как? – попытался я пошутить и увидел в его взгляде вопрос.

– Ах. Да. Совсем забыл про машину, – ответил Виктор и стал рыться в карманах куртки. Вытащил из внутреннего кармана портмоне, убедился, что документы на месте.

- Всё, решено, едем, – сказал он и переспросил, – мы как, одни или ещё кого возьмём?
- Сам смотри, – ответил я ему.
- Тогда завтра в семь выезжаем.

Утро. Шесть часов. Я посмотрел на барометр, его показания устраивали: давление в норме, на градуснике за «бортом» минус шесть, терпимо. Позавтракал, подготовился к выходу. Поцеловал жену, сказал «пока, до встречи» и вышел на улицу.

Зашёл за угол дома, машина уже прогревалась. Мы поприветствовали друг друга и поехали. На окраине города Виктор забеспокоился:

- Всё взял с собой, ничего не забыл? А то мало ли что, чтобы не возвращаться. Я-то всё забрал, там в багажнике.
- Всё, всё, не волнуйся, смотри на дорогу, – ответил я и прикрыл глаза. Может, посплю малость. И действительно, уснул.

- Просыпайся, соня, Андреаполь впереди, – разбудил меня Виктор, – так что, на Лобно?
- Давай, помнишь, как проехать по городу?
- Не бойсь, прорвёмся, – ответил Виктор, и мы проехали указатель АНДРЕАПОЛЬ.

На заправке увидели пару машин, оказались наши – нелидовские.

- Пусть догоняют, – усмехнулся Виктор и прибавил газку.
- Э, э, потише, зима на дворе, по трассе спокойней ехал, – урезонил я его.
- Ничего, резина шипованая, – успокоил он.

Подъехали до поворота к мосту через речку Западную Двину и тут Виктор задумался:

- Совершенно не помню, надо через мост или прямо ехать?
- Давай через мост, там у кого-нибудь спросим.
- Нет, не надо через мост, я вспомнил, едем прямо, потом через переезд и налево, точно, – возразил Виктор и продолжил движение.

Проехали по улице, где-то переехали переезд, но поворота налево там не оказалось.

– Так, стоп, что-то не понял, переезд есть, дороги влево нет, – задумчиво произнёс Виктор. – Ерунда какая-то получается.

- Надо спросить кого-нибудь, – предложил я.

На улице ни души. Мы проехали магазин. Там свет горел в окне.

- Давай вернёмся, спросим.
- Развернулись... Вот и магазин, замок на двери и лампочка сигнализации в окне горит.
- Да что это такое, спят все что ли, – разбушевался Виктор.

– Не нервничай, они... не восстанавливаются, будь в узде, держи руль, давай к мосту.

Мост. Красивое сооружение. Настоящая переправа на другой берег. Надо же и речка местами не замёрзла.

- Гони прямо к вокзалу, надеюсь там рабочий день и есть люди, – предложил я.

Виктор усмехнулся почему-то, но перечить не стал. Остановились у памятника воину-освободителю. Я вышел из машины, зашёл в здание вокзала. Натё, даже люди есть. А на улице никого. Подошёл к работнику железнодорожного транспорта и спросил:

(продолжение на стр. 11).

(начало на стр. 10).

– Коллега, будьте добры. Можете подсказать, как проехать на озеро Лобно?

В этот момент в зал ожидания зашёл, потирая руки, Виктор.

– Ну, узнал, – спросил он.

А в это время, сотрудник железнодорожной станции, указывая рукой в окно, говорит: «Видите ту улицу, вот по ней и езжайте». Виктор чуть на пол не сел.

– Как, через окно? Но я на машине! – выкрикнул он.

Мы втроём рассмеялись и кошку разбудили на окне. Ясно, что Виктор пошутил. Улица действительно была «за окном», только по другую сторону железной дороги. Всего-то и надо нам было въехать в город, переехать по мосту на другую сторону, доехать до железнодорожного вокзала, объехать его с правой стороны через железнодорожный переезд мимо мини-рынка, сравняться с вокзалом уже по ту сторону железнодорожных путей, повернуть направо и – покатили. Поблагодарили человека и вышли на улицу.

– Приехали, – сказал с горестью Виктор, когда увидел у машины сотрудника ГИБДД.

Подошли. Милиционер учтиво представился, сказал, что здесь стоять не положено, и предложил сменить место стоянки. Удивительно. Предложил. Мы, извиняясь, сели в машину и поехали по намеченному маршруту, там «за окном» наконец-то дорога к озеру. Через несколько минут мы покинули границы Андреаполя, но фраза «через окно?», произнесённая Виктором, нас смешила всю дорогу.

На озеро приехали вовремя, уже достаточно рассвело, и потеряться мы уже тут не могли в любом случае. Я достал свои рыбацкие принадлежности из багажника, а Виктор постоял в раздумье и спрашивает: «Ты моего ящика не видел?». Дальнейшее без комментариев.

Пришлось мой инвентарь делить с Виктором, благо у меня всего было с запасом. Назад возвращались довольные своим уловом. Спасибо природе и водоёму.

На обратном пути к нам напросился житель деревни Фишово, у него что-то с велосипедом было, каретка, говорит, развалилась, передняя или задняя – не уточнял. Мы загрузили в багажник велосипед, доставили человека к месту жительства.

На обратном пути через заправочную станцию снова увидели те две нелидовские машины. Только в бибиревском магазине при встрече выяснилось, что ребята ездили на озеро Охват и тоже были с уловом.

Любой рыбак может рассказать какую-либо занятную историю. Будет интерес, спрашивайте, ещё расскажу...

Владимир Сучков,
г. Нелидово



• Новые книги

Недавно вышла в свет книга андреапольского краеведа Александра Рачеева «Очерки по краеведению». Он уже известен как автор краеведческих

сборников «У истока Западной Двины», «Крылатой гвардии сыны», «Найти прекрасней уголка в России не могу» и многочисленных статей и очерков по истории родного края. По его инициативе и при прямом его участии выпущен и первый поэтический сборник андреапольских авторов.

Новая книга состоит из материалов, уже публиковавшихся ранее в андреапольской районной и тверской областной газетах в разные годы. «Отобрал лучшее, – говорит сам автор и добавляет с улыбкой, – сделал себе подарок к юбилею». Александру Васильевичу в начале сентября исполнилось 70 лет. А книга стала подарком не только для него, но и для читателей. Там они найдут материал об Андрее Кушелеве, чьё имя дало название нашему городу; о военном министре России в 19 веке А.Н. Куропаткине, проживавшем в наших краях.

У газеты жизнь недолгая, а книга останется на годы. Андреапольцы, и не только, с удовольствием ещё раз прочтут о своих знаменитых земляках, увидят фотографии прошлых лет, уводящие одних в собственную юность, других в молодые годы родителей и дедов.

Краеведческой литературы много не бывает. Она востребована всегда, поэтому книгу, наверняка, ждёт успех. А нам остаётся только поздравить юбиляра и пожелать, чтобы из-под его пера ещё вышел не один сборник.

Хотя А.В. Рачеев фигура в районе известная – несколько слов из его биографии. Родился в Андреаполе. Окончил литфак Калининского государственного университета, Московскую высшую партийную школу. Работал в аппарате райкомов ВЛКСМ, КПСС. Более 10 лет был редактором районной газеты «Андреапольские вести».



• Новые стихи

Владимир Юринов**СЕНТЯБРЬ**

Жизнь продолжалась и длилась, и снова
шелестом зыбким прозрачного леса
лето окончилось тихо, как слово
спетой, но так и не узнанной песни.
Сколько прошло этих лет краткосрочных!
Жалки, желты календарные листья,
прокомпостированы многоточьем
«поздно...». Осталось лежать и пылиться.
Вкрадчиво, тихо, почти незаметно
входит сентябрь. Неумело и важно,
словно дары уходящего лета,
красные ранцы несут первоклашки.
Как и они, тороплюсь неуклюже
дням и неделям, летящим навстречу.
Снова простужен, и грузом ненужным
ранец поношенный давит на плечи,
сводит слезливой зевотою скулы,
мысли немеют, а дни всё короче.
Шаркая, кашляя, входит сутуло
в дверь понедельник – безжалостно точен.
Дни всё короче, ночи длиннее.
Поздно, ах, поздно – погашены свечи,
боем часов на часы разлинеен,
на подоконник спускается вечер.
Выйти б, глотнуть горьковатого ветра,
ворот распахнутый чувствуя горлом,
крылья расправить и снова поверить
в эти, за дали манящие, горы,
сдвинуть плечом мельтешение суток,
выстроить ввысь их ступенями лестниц!
Шторы раздвинуты, парусом вздуты...
Жизнь продолжается, длится.
Как песня.

ЕСЛИ СОМНЕВАЕШЬСЯ...

Если сомневаешься в богах,
мол, забыт, покинут гол и сир,
если понавязли на зубах
эти: «Э-ге-гей!» да «Гой еси!..», –
докажи, что ты и сам – не ах,
что готов без слёз и без слюней.
Если сомневаешься в богах –
это просто повод стать сильней.

Если сомневаешься в судьбе,
мол, полжизни шёл не той тропой,
мол, дудел, да не на той дуде,
думал – строй, а пёрся за толпой, –
не втыкай штык в землю, не глупи,
значит, срок пришёл начать всё вновь.

Если сомневаешься в любви –
значит, это вовсе не любовь.

Если сомневаешься в себе –
вдруг да ощутил себя ослом.
Мол, не так сидишь в своём седле.
Или вовсе – сам ты под седлом!
Выдохни и двигай веселей.
Радуйся – ты понял жизни суть.
Если сомневаешься в себе,
сомневайся дальше – в добрый путь!

**ПЕСЕНКА О НЕПРАВИЛЬНЫХ
ВРЕМЕНАХ ГОДА**

Зачем зима сугробы намела,
зачем смешала ледяные краски?
Чтоб две души, затерянных в пространстве,
вдруг захотели света и тепла.
Чтоб я, в меха одетый, как медведь,
под нос ворчал смешно и понарошку,
и чтоб твои озябшие ладошки
своим дыханьем смог бы отогреть.

Зачем весне капелями звенеть,
а лету поддавать упрямо жару?
Лишь для того, чтоб, действуя на пару,
тебя легко и бережно раздеть.
Чтоб, ошалев от этих стройных ног,
от двух сосков, топорщащих рубашку,
я б растерялся, словно первоклашка,
и в предложенье слов связать не смог.

Зачем приходит осень, шелестя
своей багряно-жёлтой плащаницей?
Чтоб на твои пушистые ресницы
подвесить капли тихого дождя.
Уже морозом сожжена трава,
уже стоят предзимние погоды,
а я всё жду такое время года,
что мне подскажет нужные слова.

Зачем зима сугробы намела?..

* * *

А волосы пахли духами и дымом,
и губы встречали несмелые губы,
и сыпалось время насквозь, а не мимо,
грядущей разлукой царапая грубо.
Знобило. Дрожали под пальцами плечи.
Срывались губами табу и запреты.
Взорвавшийся нежностью снежистый вечер
истаял горчащим дымком сигаретным.
И проводы в ночь по скрипучему снегу,
и взгляд на прощанье вбирающий, робкий.
И утро вползало с молочного неба –
юродивым калечным из подворотни.

• Гости клуба

Пётр Бобунов,**г. Нелидово**

* * *

Ах, есть волшебная страна,
Где обретёт любой
Отваги, сердца и ума,
А кто-то путь домой.

И тут не надо ворожить,
А просто, без затей,
Дорогой друга поддержи
В его большой мечте.

Надежды наши не умрут,
Не пропадут во мгле
Пока мы видим изумруд
В обыденном стекле.

И Гудвин, стало быть, помог,
Но дело не в очках,
А в золотой пыли дорог
На белых башмачках.

* * *

Она придёт без позволения.
Хозяйски нарушая сны,
в них царствует. На удивление
молчат мои цепные псы.
Даже повизгивать не смея,
сидят, укрывшись в конуре,
и, вдруг, скуля, трусят за нею,
когда уходит на заре.
Разбуженный, псам мяса брошу я:
что с вами делать, налетайте!
Я понимаю, что – хорошая,
так для порядка хоть, полайте.
Но, не понюхав даже лакомства,
они не сводят глаз со входа...
И у собак свои чудачества,
своё понятие свободы.

* * *

Среди гор из пожухлого снега,
Грязно-серых домов и машин
Есть единственная помеха
Позабыть, что всё ещё жив:
Выручает твоя фигура,
Выручает твоё лицо,
Когда город становится бурым,
А морозы уже с ленцой,
Когда тянет и тянет жилы
Бесконечная недовесна,



Выручает твой голос милый,
Что ещё до рождения знал.
Когда дворник сбивает наледь,
Лёд стучит, как костяшки счёт,
Умножающих возраст на пять,
И недужно в затылок бьёт.
Но, когда апрельскую просинь
Воскрешает твой взгляд голубой,
Тут же делится всё на восемь,
Незаметно, само собой.
Угадаешь в попытках капли
Неминуемый диксиленд
И уже всё равно в самом деле,
Сколько там, за плечами, лет.

* * *

Ты меня никогда не полюбишь,
Есть для этого масса причин,
Осознание высушит губы
И теперь каждодневно горчит.
Остаётся с этим жить дальше,
Чем попало заделывать брешь,
Но уже, слава Богу, без фальши
И бессмысленности надежд.
Но, тебя каждый раз встречая,
Тихо радуюсь всё равно:
Хорошо, что ты есть такая,
Пусть далёкая. Как в кино.

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

А я вот предполагаю
У сказки другой конец,
И Герда, вернувшая Кая,
Уже покидая дворец,
Вдруг обернулась и с ними
Позвала идти королеву.
Что значит терять любимых,
Кому, как не Герде, знать...
А Кай захлопал в ладоши,
Назвал королеву хорошей,
И тоже её позвал,
Кай вовсе не помнил зла!
И королева решилась!!!

С чего мне взбрело такое?
С тех пор Новый год – зимою.

• **Осень погасила свечи**
Татьяна Мчедлишвили,
Торжок – Любино

Лес застенчиво доверчив
 Без одежд.
 Осень погасила свечи –
 Нет надежд.

И костров промокших пламя
 Не раздуть.
 Все, что было, милый, с нами –
 Не вернуть.

Как мечталось... Как любилось...
 Утаим.
 Словно та весна приснилась
 Нам двоим.

Людмила Леоненкова

г. Белый

Благодарю. Твой жест простой,
 Два слова только в утешенье,
 Душе, измученной тоской,
 Как долгожданное прощенье.
 Благодарю! Ты смог понять,
 То, что в душе моей горело,
 Что мне в стихах не передать,
 Когда б я даже и посмела.
 И что слова? Лишь только звук,
 Глаза – души моей скрижали.
 И руки, что взметнулись вдруг,
 Меня к груди твоей прижали.
 Благодарю! Я этот миг
 В душе своей лелеять буду.
 И теплых рук кольцо твоих
 И умирая, не забуду.

Людмила Швец,

Новоуральск – Андреаполь

ПЕРЕНЕСУ КАК ЖУТКУЮ ПРОСТУДУ

Ты равнодушным взглядом не смотри,
 Остывшим сердцем ты не прикасайся.
 Пустых словес-речей не говори,
 И в темноте ночной тиши не кайся.
 В моей душе застыли капли слёз,
 В моих глазах исчезли искры смеха.
 А радость словно ветром унесло
 И превратило лишь в глухое эхо.
 Теперь уйди, моя душа, как лёд,
 Не растопить её твоей прохладой.
 Пусть, всё, что было, в глубине умрёт,
 Печалиться не стоит, и не надо!
 "Прощай" я не скажу, просто забуду,
 Приму, как должное, своей судьбой.
 Перенесу, как жуткую простуду,
 Приму, как должное, своей судьбой.



Татьяна Ланко

В. Луки – Андреаполь

ДОЖДИНКИ

Пора пришла в начале ноября
 Стучать дождикам в сумрачном окне.
 Благословляя любящих тебя,
 А это значит, пишущих тебе.
 Благословляют, значит навсегда
 Нам Божий суд становится судьбой –
 А это счастье наше и беда,
 Которые живут сами собой.
 Так осень осеняет всё вокруг.
 Высот так много. Я их все возьму,
 Точь-в-точь, как ты, мой верный, мудрый друг,
 Благословишь меня опять к письму.

Наталья Иванова,

Пено

За страданья наградой,
 Труд нелёгкий земной,
 Людям послана радость,
 Эта радость – любовь.
 Она дарит как милость
 Знойной страсти пожар.
 Как у нас получилось
 Не сберечь этот дар?
 Расставанья, вокзалы,
 Возвращенья домой...
 Как же так оказалось:
 Я – твоя, ты – не мой?
 Позабудь моё имя,
 Не стучи в мою дверь,
 Никогда я с «чужими»
 Не делила постель.

Валентина Аракчеева,

Нелидово

Позови – я откликнусь эхом.
 Улыбнись – буду звонким смехом.
 Загрустишь – грустной думой буду,
 И в беде я с тобой всюду.
 Ты в пути – и я буду другом,
 Отведу от тебя вьюгу.
 У костра стану звёздным небом,
 Заискрюсь синеватым снегом.
 И согрею тебя я взглядом.
 Я незримо с тобою рядом.
 В зной прохладным я стану ветром,
 Ночью сном для тебя буду светлым.

• Молодые голоса

Дмитрий Попов

Москва-Жуково

БЕСЕДКА

Вспыхнут зори над уснувшим краем,
И поманит тропинка далеко.
Опьянённый запахами мая,
Мне уютно, грустно и легко.

Там в лесу сосновом скрипнет ветка.
На тропе оставил кто-то след.
И мигнет мне огонек в беседке,
Дрогнет милый, нежный силуэт.

Я из детства, детства неземного
Вышел. Посветлело все вдали:
Школа возле берега лесного
И курган средь вспаханной земли.

Эта связь таинственна и крепка,
Хоть прошло уже немало лет.
Но остались в памяти беседка
И знакомый с детства силуэт.

КАТЕ

Я жду твоих коротких сообщений,
Твоих звонков устал я долго ждать.
И голос твой в моём воображенье
Звучит как звонкий, сказочный набат.

В волшебном сне задумчивых сомнений,
Где невозможно сердцем устоять,
Устал тебя я видеть в сновидениях –
Я встречи жду, чтобы тебя обнять.

Артём Виноградов

Нелидово – Москва

*В день мартовских ид, 15 марта 44 года до нашей эры,
был вероломно предан и убит своим другом Марком
Юнием Брутом величайший правитель Римской
империи Гай Юлий Цезарь. Этому роковому дню и
посвящено моё стихотворение.*

ЦЕЗАРЮ

Великий правитель! Диктатор Рима!
Душа твоя ни в чем не повинна!
Забудь обвиненья! Забудь про стыд!
Цезарь!
Бойся мартовских ид!

С Помпеем война уже канула в лету.
Народ может славить твою победу!
Но из толпы прорицатель кричит:
Цезарь!
Бойся мартовских ид!

Ты можешь не верить ему, конечно.
Но только не надо решать поспешно.
Не лжёт прорицатель! Его взор горит!
Цезарь!
Бойся мартовских ид!

Соберутся в том зале враги и друзья.
Но ты веришь тому, кому верить нельзя!
Поступок Брута не будет забыт!
Но прошу тебя!
Бойся мартовских ид!

• «ЛЮБОВЬ-МОРКОВЬ»

Михаил Никоноров,

г. Андреаполь

Полюбовавшись на сплетенье
Таких лиричных овощей,
Задумал я стихотворенье,
Но выяснилось, что вотще.



Прервав фантазии полёт,
Сказала Муза мне, подруга:
Отнюдь не каждый разберёт,
Морковка здесь или петрушка?

Стихотворение Михаила Никонорова стало последним в ряду конкурсных работ, которые вы присылали нам в течение года.

Итак, уважаемый читатель, конкурс «Любовь-морковь», объявленный в сентябре 2013 года, завершился. Первое стихотворение пришло, и было опубликовано, в октябре, и целый год из месяца в месяц вы могли читать серьёзные или юмористические, пронизанные печалью или иронией строки о превратностях морковной и человеческой любви. Они, наверняка, не оставили вас равнодушными, потому что были искренними и шли от самой души.

В конкурсе приняли участие 17 человек, прислав 21 стихотворный текст (некоторые прислали по две работы). Участники проживают не только в Андреаполе, из которого стихи представили пятеро, включая жителя посёлка Бологово и одновременно Москвы. Вот география стихотворцев, откликнувшихся на наше предложение: Нелидово – 6, Пено – 2, Осташков – 2, Зеленоград – 1, Селижарово – Москва – 1.

Сейчас наше жюри приступило к внимательному чтению и оценке работ. Результаты конкурса будут объявлены в октябре.

А сейчас настало время прозы. Вы уже видели, что «Светлячок» объявил новый конкурс короткого рассказа «Это было со мной в Андреаполе». С условиями конкурса вы можете познакомиться в августовском номере на стр. 11. В том же номере на стр. 7 вы прочтете и первый рассказ.

Ждем ваших новых работ.

Оргкомитет.



• Байки на скамейке

ПРОЕКТ

– Девоньки, мне сегодня приснился слон. Говорят, что это к встрече с влиятельным и богатым человеком. Интересно, с кем это мне угораздит свои пути перекрестить? Из дома сейчас не вылезаю. Вечером только на дачу.

– Тебе слон, а мне круче – сам президент. Вижу, что написала я Проект. Зачитываю его Путину. А он головой кивает, соглашается...

– А проект-то о чём, о наших пенсиях, наверное?

– Да я разве помню, о чем. Во сне как бывает, неопределённо всё как-то. Но точно помню, что там всё по делу, и главное, Путину понравилось. «Надо, – говорит, – представить, Шура, твой проект на рассмотрение в Думу». Ну, надо так надо. Отправились. Представляю теперь уже им. Не хотят принимать. Я и так, и сяк. Не одобряют. Президент уже на них нажимает: «Вы должны это принять, мы с Шурой написали...»

– Так и сказал: «мы с Шурой»?

– Так и сказал. Он сам из народа, правильно всё понял. А господа эти ни в какую... Вот теперь думаю, к чему бы это?

– Ты, главное, вспомни, проект-то о чём. Вдруг о каких-нибудь нанотехнологиях в сфере пенсионного обеспечения? Тогда лучше забудь, а то сбудется чего доброго, и так пенсии под микроскопом скоро рассматривать будем.

**М. Петрова,
Андреаполь**

• Лето – странная пора

БЕССОННОЕ

Шестнадцать трупов выложены в ряд –
последствия слепой кровавой драки.
Шестнадцать трупов... Два часа подряд
я отражаю подлые атаки.
Шестнадцать... Будет больше? Не вопрос!
Чу!.. Близок враг – я узнаю по звуку! –
семнадцатый звенящий кровосос
из темноты спикировал на руку...

**Владимир Юринов,
Андреаполь**

ЛЕТНИЙ ЗНОЙ

На берег речной в жаркий полдень приду,
Хотя бы немного прохлады найду.

Почти неподвижна, застыла река,
В воде отражённые, спят облака.

Вверху и внизу - тишина и покой.
Сегодня нет даже стрекоз над рекой.

Забыл про слепней! А они тут как тут,
Спокойно теперь посидеть не дадут.

**Валерий Осипов,
Торопаца**

* * *

Что за странная пора,
Разгулялась мошкара?
Это лето наступило
Звонких песен комара.
Для лихого комара,
На дворе стоит жара.
Это вовсе не игра —
Всем ловить комара.
Мы не спали до утра:
Но поймали комара,
Закричали все: «Ура!
Больше нет комара».
Прилетел другой комар,
Снова нас берёт удар,
Из какой-то там дыры
Лезут тучей комары.
Как же много комаров,
Словно в поле коров,
Снова с криками «Ура!»
За комаром бьём комара.
Уничтожив комара,
Мы чесались до утра,
Потому, что мошкара
Ещё хуже комара.



**Татьяна Лапко,
Великие Луки – Андреаполь**